

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ХУНДУНЬ СУБЪЕКТАМИ АРХАИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Ли Сюэсинь

аспирант, соискатель кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Беларусь, г. Минск

CONSTRUCTING THE IMAGE OF HUNDUN BY SUBJECTS OF ARCHAIC CULTURE IN CHINA

Li Xuexin

Postgraduate student, co-researcher at the Department of Belarusian State University of Culture and Arts, Belarus, Minsk

Аннотация. Данное исследование раскрывает многозначность образа Хундуня (Хаоса) в китайской мифо-философской традиции. Анализ текстов «Шаньхайцзин», «Дао дэ цзин» и космогонических мифов показывает, что Хундунь представляет собой сложный символ, объединяющий мифологические и философские концепции. Хундунь здесь выступает как источник спонтанного самозарождения. Космогонические мифы о Паньгу и других персонажах развивают эту концепцию, раскрывая диалектическую природу хаоса как онтологического условия мироздания.

Abstract. This study reveals the multiple meanings of the image of Hundun (Chaos) in the Chinese mytho-philosophical tradition. The analysis of the texts of “Shanhaijing”, “Tao De Jing” and cosmogonic myths shows that Hundun is a complex symbol that combines mythological and philosophical concepts. Hundun here acts as a source of spontaneous self-generation. Cosmogonic myths about Pangu and other characters develop this concept, revealing the dialectical nature of chaos as an ontological condition of world formation.

Ключевые слова: Хундунь (Хаос); космогония; Дао; китайская мифология; образ.

Keywords: Hundun (Chaos); cosmogony; Dao; Chinese mythology; image.

Одной из единиц предметного бытия традиционной культуры Китая является понятие «образ». В архаические времена данным термином обозначался «внешний облик» субъекта культуры, «лик» какого-либо демиурга, культурного героя или хтонического божества. Это было необходимо, так как образ содержал обобщение, которое не входило в практические знания предков, частично реализованные в рассказах.

В процессе мифологического осмысления действительности, представители интеллектуальной традиции древнекитайских цивилизаций посредством когнитивных механизмов фантазии и творческого воображения осуществляли трансформацию

эмпирических данных в универсальные концепты. Данный процесс подразумевал диалектическое возведение единичных явлений до уровня всеобщих закономерностей, что сопровождалось переходом от материальной данности к идеальным конструктам. Примечательно, что в этих метафорических репрезентациях сохранялись определённые элементы объективного познания реальности.

Архаические формы духовного производства, такие как религиозные верования, философские воззрения и художественные практики, изначально существовали в состоянии синкретического единства в рамках мифологического сознания. Мифу как когнитивному феномену удалось преодолеть присущую эмпирическому опыту дискретность и стохастичность, обусловленные особенностями хозяйственно-производственной деятельности. Несмотря на превалирование образного мышления, мифологическая система достигла высочайшего уровня концептуального обобщения, обеспечивая целостное восприятие мира.

Мифологическое сознание не проводило чёткой демаркации между антропологическим, социокультурным и естественно-природным знанием. Вместо этого оно акцентировало бинарные оппозиции: сакральное и профанное, естественное и культурно-обусловленное, объективные явления и их субъективное восприятие. Субъект античной культуры был способен увидеть и описать Вселенную как нечто всеобъемлющее и структурированное в этой целостности посредством изменения реальности через мифическое мировоззрение. В свете этого мифолог Л. Леви-Брюль заметил, что иррациональность, метафоричность и мистицизм были характерными чертами миропонимания наших древних предков [1]. В основе их архаичного мышления лежал бриколаж – бессистемное соединение разрозненных сигналов в замысловатые логические последовательности. Их мифическое мышление основывалось на символах, которые включали в себя как материальные образы, так и абстрактные понятия. В результате жители Древнего Китая создали мифические образы, основанные на подобном фантастическом, загадочном мировоззрении.

Анализ древнекитайской мифологической традиции позволяет выявить ряд космогонических нарративов, среди которых особое место занимают сказания о Гуйму («Матери демонов») и Чжунуне («Свечном драконе»). Эти тексты, как правило, открываются описанием изначальной мироустроительной парадигмы. Центральное положение в них занимает образ Хундуня (混沌, Хаоса) – семантически сложного концепта, восходящего к греческому «χάος» (падение, зияющая пустота), что подтверждается его сравнительным анализом с другими космогоническими традициями.

Античные философы, включая Платона и Сенеку, интерпретировали хаос как аморфную, лишённую структуры первооснову бытия. Схожие представления зафиксированы в «Ицзине» (易经, «Книге Перемен»), где Хундунь описывается как изначальный, недифференцированный водный хаос, погруженный в абсолютную тьму. Согласно данному источнику, из этого прасостояния возникло первое антропоморфное существо с архаическими чертами (сросшиеся конечности, неоформленные зубные дуги), существовавшее до разделения Неба и Земли, когда бесформенные сущности перемещались во мраке [2].

Данное положение находит подтверждение в фрагменте из древнекитайского трактата «Шаньхайцзин» (山海经, «Книга гор и морей»), где описывается хтоническое божество: «Существует бог, подобный жёлтому мешку, пылающий багрянцем, с четырьмя крыльями и шестью ногами, лишённый лица и очей, но способный петать и танцевать – Дицзян (帝江, «Предок-Река»)». Употребление титула «ди» (帝), обозначающего сакрального прародителя, в сочетании с водной символикой [5] указывает на космогонический характер памятника. Лингвистический анализ иероглифа 沌 (dùn) раскрывает его семантическую связь с концепцией спонтанного возникновения жизни из хаоса. Фонетический компонент 屯 (tún) в правой части графемы, изображающий пробивающийся росток, в сочетании с водным детерминативом слева формирует целостный образ зарождающегося в первозданных водах жизненного начала.

Главной особенностью изображения Хундуна является его бесформенность, что говорит о его вездесущности и безграничности. Согласно Л. Леви-Брюлю, форма придает вещам ограничения и возможности, которых у них нет [1]. Бесконечная эволюция и совершенствование возможны благодаря отсутствию формы.

Основной категорией учения основателя даосизма Лаоцзы (老聃) является Дао (道). В своем фундаментальном трактате «Дао дэ цзин» («Книга о Пути и Добродетели») Лао-цзы концептуализирует Дао как универсальный онтологический принцип, регулирующий космологический порядок, социальные процессы и спонтанное течение человеческой жизни. Философ интерпретирует Дао как эпистемологический инструмент постижения циклической природы существования через редукцию к его первичным элементам. Как отмечается в тексте: «Оно [Дао] рождается в хаотической пустоте, предшествуя возникновению Неба и Земли; беззвучное и лишенное формы...». Данная субстанция характеризуется абсолютной имманентностью и трансцендентной неизменностью. Существующее вне пространственных ограничений, оно пронизывает все уровни бытия, выполняя функцию «матери Поднебесной» (天下母) – генетического истока всей феноменальной реальности. Ее имя мне неизвестно. На иероглифическом языке я буду называть ее Дао; бессистемно я буду называть ее великой (太). Она всегда в движении» [4, с. 231].

Отсутствие единства субъекта и объекта на данном этапе эволюции мира подчеркивается отсутствием у Хундуна органов чувств. Мир един в беспорядке; не существует ничего, что хаос не включил бы в себя и не воспринял бы как находящееся вне его; это и есть состояние гармонии. Изучение мифологии ряда других цивилизаций свидетельствует о том, что в мифах разных народов воспроизводится идея изначального хаоса как состояния мира, предшествующего появлению структурированных вещей. Показательным примером этого является понятие К. Ясперса об осевом времени, которое рассматривает древние цивилизации, в частности китайскую [3].

Значение образа Хундуна в древнекитайском сознании, его связь с представлениями о том, что сотворение и разрушение мира и космоса связано с водой, и культ плодородия – все это подтверждается изучением письменных памятников и древних ритуалов, а также с такими первыми божественными первопредками, как Паньгу (盘古), Нюйвы (女娲) и Фуси (伏羲). В большинстве китайских мифов повествуется, что такой центральный хтонический персонаж китайской мифологии, как Паньгу само зародился в хаосе. Согласно китайской мифологии, он открыл небо и землю. Согласно большинству китайских историй, Паньгу и другие ключевые хтонические фигуры в китайской мифологии возникли из хаоса. В соответствии с китайской космогонической традицией, данный мифологический персонаж осуществил дифференциацию Неба и Земли, а после физической смерти инициировал процесс космогенеза. Его телесная и духовная субстанции подверглись тотальной трансформации, воплотившись в фундаментальные элементы мироздания. Ключевым аспектом нарратива выступает мотив предельной жертвенности: на пороге небытия божество сознательно приносит себя в жертву, что становится каталитическим условием для возникновения упорядоченной и полиморфной вселенной.

Образ Хундуна в китайской традиции представляет собой сложный синтез мифологических и философских представлений. В мифологии он воплощает изначальную нерасчлененность бытия, проявляясь как архаическое божество Дицзян, связанное с водным хаосом. В философском контексте Хундун ассоциируется с даосской концепцией Дао – спонтанного источника мироздания, а также находит отражение в образе Паньгу, чье тело становится основой упорядоченного космоса. Этот многогранный символ объединяет идеи творческого потенциала хаоса, единства противоположностей и трансформации бесформенного в оформленное.

Список литературы:

1. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 603 с.
2. Шуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Шуцкий. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 2003. – 606 с.
3. Ясперс, К. Всемирная история философии. Введкние / К. Ясперс; пер. с нем. К. В. Лощевский. – СПб.: Наука, 2000. – 272 с.

4. 2007 506 =Лао-цзы. Дао дэ цзин / Цзы-Лао – Яньбянь : Народное издательство, 2007. – 506 с.

5. 1998 408 =Чжан Чунышэн. «Книга гор и морей» – историческая книга легенд Китая. Исследования «Книги гор и морей» / Чунышэн Чжан. – Ухань: Хубэйское народное изд-во, 1998. – 408 с.